

Ян Красицкий

ДОСТОЕВСКИЙ
КАК ЛАБОРАТОРИЯ ИДЕЙ

Книга Яна Красицкого, автора многих замечательных работ по русской религиозной мысли, наполнена подборкой исследований о «бездне идей» Фёдора Достоевского. Красицкий демонстрирует огромную эрудицию, но всё это преподносится читателю так, что создаётся впечатление лёгкости, и нет перегруженности балластом авторитетов. И хотя на некоторых страницах сносок больше, чем текста, они настолько интересны, что сами по себе составляют с книгой единое целое.

Произведения Ф. Достоевского, которые не вполне поддаются философской интерпретации, как таковые, несомненно, являются оригинальной и нетрадиционной формой философии, требующей использования специфических категорий, таких как, например, «бездонность». Настоящими и в то же время самыми главными героями «романа идей» Достоевского являются именно идеи. «Каждая идея имеет свою судьбу», — читаем мы в первой главе книги Красицкого.

Анализируя некоторые из великих произведений Достоевского, Ян Красицкий уделяет особое внимание роману «Идиот». В князе Льве Мышкине (в самом имени которого сталкиваются противоречия мужества и смирения) он видит ядро противоположностей, разрывающих одного и того же человека на части. Прозвище «идиот», данное герою посредственными людьми и призывающее общество отречься от князя, в то же время делает Мышкина каким-то необыкновенным, особенным. Кульминацией этого переплетения становится непереводимый на другие языки русский термин «юродивый».

Настоящая книга воспринимается и переживается как своего рода «эсхатологическая детективная история», происходящая в сфере отношений Бога и человека. И Ян Красицкий принимает живое участие в этой «детективной истории». Как свидетель и как вовлечённый участник.

Ядвига Мизиньска, профессор, Институт философии
Университета Марии Кюри-Склодовской в Люблине

«...МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ФИГУРА ДОСТОЕВСКОГО ВОЗВЫШАЕТСЯ НАД веками. Однако она рождается из повседневности», — так начинает свою книгу «Достоевский как лаборатория идей» профессор Ян Красицкий. Скажем сразу: превосходная книга, втягивающая вас прямо в драму человека, который хотел видеть в других только (а может быть, и прежде всего) братьев. С самого начала чтения мы понимаем, что Достоевский, родившийся в 1821 году (как Бодлер или Флобер), — человек, как бы разорванный на две личности: духовную, стремящуюся углубиться в мир идей, и материальную, связанную с «нечестивой» сферой, в которой русский писатель мог похвастаться многочисленными «успехами», полученными от европейских игорных домов.

Для Красицкого Достоевский — писатель, одержимый идеями. Мы видим, как его сжигает внутренний огонь. Его интеллектуальная жизнь так же важна для него, как и повседневные дилеммы и сомнения. Кажется, что работа с идеями — главное содержание его жизни. Был ли Достоевский философом? По мнению Красицкого, этот вопрос должен оставаться открытым, поскольку автор «Братьев Карамазовых» — «среди вопрошающих, а не среди учителей, он постоянно говорит со своими героями, ведёт диалог, никогда не занимающая позицию различия, никогда не будучи правым, никогда не зная, как обстоят дела на самом деле». Достоевский бесконечно задаёт вопросы. Возможно, наиболее остро он задумывается над вопросом, возможен ли Бог в мире, который больше не нуждается в нём. Что происходит с человеком, когда Бог умирает в его сознании? <...>

Несомненно одно: у Достоевского невозможно мыслить человека без Бога, как невозможно мыслить Бога без человека: «Присутствие Бога в творчестве Достоевского так же близко, как воздух, который мы не видим, но которым дышим. Настолько близко, что его Бог кажется совершенно отсутствующим. Его Бог слишком далёк, потому что он слишком близок...»

Бартош Сувиньский,
поэт, прозаик, литературный критик

JAN KRASICKI

**DOSTOJEWSKI
I LABORATORIUM IDEI**

WIĘZ • 2020

Ян Красицкий

**ДОСТОЕВСКИЙ
КАК ЛАБОРАТОРИЯ ИДЕЙ**

Перевод с польского Елены Твердисловой

БОСТОН • **2024** • BOSTON

ЯН КРАСИЦКИЙ Достоевский как лаборатория идей

Перевод с польского Елены Твердисловой

Редактор Елена Левицкая

Корректор Валентина Шолудько

JAN KRASICKI Dostoyevsky as a Laboratory of Ideas

Translation from Polish by Elena Tverdislova

Edited by Elena Levitsky

Proofreading by Valentina Sholud'ko

Copyright © 2019-2023 by Jan Krasicki

Copyright © 2024 by Elena Tverdislova (*translation*)

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1960533203 (pbk)

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

✉ mgraphics.books@gmail.com

🖥 mgraphics-books.com

Book Design by M•GRAPHICS © 2024

Cover Design by Larysa Studinskaya © 2024

При подготовке издания использован модуль расстановки переносов русского языка **batov's hyphenator™** (www.batov.ru)

Printed in the USA

Памяти брата Юлиуша

ОТ АВТОРА

Н*abent sua fata libelli*: «Книги имеют свою судьбу» — так звучит латинская пословица. И та книга, которую мы предлагаем читателю, — тоже. Она — не типичная научная работа: некоторые её части носят характер, скорее, эссеистский, другие же тяготеют к академической модели. Так или иначе, даже если они отмечены чертами научного дискурса, собранные вместе они создают подобие экзистенциальной встречи автора данного труда с автором «Идиота» и его произведениями.

Восприятие разнообразного мира и личности Достоевского всегда сталкивалось с трудностями. И сегодня оно попадает к читателю в непростое время, когда возникают новые, неизвестные дотоле преграды в его понимании. Делясь своим опытом общения с жизнью и трудами Достоевского, автор хотел бы выразить убеждение в том, что и в периоды массовых идеологических запретов, вопреки специальным указам, слово русского писателя — как это было во все времена — и сегодня служит рассеиванию тьмы, раскрывает человеческие сердца и помыслы даже тем, кто от всего замыкается.

Судьба этой книги на русском языке тесно связана и с личностью её переводчика — Елены Твердисловой. Без её заинтересованного участия в осуществлении перевода и его издания книга о специфике философии Достоевского никогда не увидела бы свет. Елена не просто провела огромную переводческую работу, но выказала небывалое упорство и стойкость в подготовке этой книги именно для читателя русскоязычного, знакомого с творчеством Достоевского по оригиналам, вложив в этот труд частичку себя.

За это автор хотел бы её от всего сердца поблагодарить.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Ян Красицкий — автор книги «Достоевский как лаборатория идей» — профессор Института философии Вроцлавского университета (Польша). Ему принадлежит более сотни монографий и статей на разных языках: польском, английском, немецком; русскоязычному читателю он известен работами: «Бог, человек и зло. Исследование философии Владимира Соловьёва» (2009); «Разум и Другой. Опыты по русской и европейской мысли» (2015).

Предлагаемая читателю книга показывает, что Красицкий — учёный необычный и смелый, это подтверждает сам его подход к вопросу: в чём своеобразие философии Достоевского? И есть ли в его произведениях она вообще? Эту непростую задачу более столетия стремятся решить исследователи всего мира.

Вопрос действительно не праздный. Достоевский не был, строго говоря, философом, и не имел специального образования, однако как никакой другой писатель он оказал влияние именно на философскую мысль XX века.

Сегодня это трюизм.

Красицкий не ставит перед собой задачи непременно доказать причастность русского писателя к области философии. Он пошёл по совершенно иному пути: сосредоточился на его идеях. И тут, надо сказать, этот подход оказался чрезвычайно плодотворным. Прежде всего, потому что позволяет выявить, раскрыть и обосновать — на основе анализа его идей — своеобразие самой философии писателя, характеризующей его художественность. И от неё неотделимой.

Подобная реконструкция идейного потенциала романов Достоевского определила структуру предлагаемой книги: от идеи к идее. Путь к её освоению и переводу был медленным и скрупулёзным: Ян Красицкий выявил целую лабораторию идей писателя, которым, кажется, нет конца. И вот так, идя от частного

к общему, от конкретного к последующему построению своей теории, он обнаружил у Достоевского много общего с развитием мировой и русской мысли, что свидетельствует о его огромном влиянии на развитие философии в целом. Метод польского исследователя интересен ещё и как способ работы с материалом, причём, именно художественным, который, казалось бы, подразумевает совсем другой подход: литературоведческий, что, в свою очередь, сближает, обогащая, обе области гуманитарных знаний: науку о литературе и философию.

Должна признаться, что для меня как переводчика это была непосильная работа (так мне казалось): умение автора обнаружить конкретную идею в ворохе исследовательских открытий совершенно разных учёных — от русских до зарубежных — требовало привлечения огромного количества источников, многие из которых или не переводились на русский язык (надо отдать должное Польше: тут по-прежнему переводится всё), или просто недоступны — вроде бы существуют в электронном виде, но либо они не открываются, либо открываются пустыми страницами. Это называется «кухня», которую можно было бы миновать, будь открыты библиотеки. Однако пандемия...

Но есть тут и чисто стилистические каверзы: русский язык нетерпим к тому, чтобы в его фразу, мысль, предложение вклинивалась, продолжая или полемизируя, чужая мысль, тогда как польский язык подобную «эквистристику» делает легко и изящно. Не считаться с этими законами тоже было невозможно.

О том, какое число работ, начиная с монографий — целыми сериями, и заканчивая статьями на разных языках, просмотрел и проанализировал Ян Красицкий, свидетельствуют сноски. Стоит на них обратить особое внимание: здесь много ценных замечаний и дополнений. И, как на ладони, — библиография.

За цитатами стоят конкретные имена и в сумме они составляют весомую область современной науки (и не только о Достоевском, но ещё и о как таковом тексте и способах его прочтения, интерпретации на разных языках, в разных странах, разными поколениями), в которую невольно погружается читатель, знакомясь с огромной информационной системой. Это ещё одна удача автора — философа Яна Красицкого.

Завершая своё очень краткое знакомство русского читателя с книгой о Достоевском, хочу отметить безусловный человеческий дар пана Яна: во всяком случае, у меня установились с ним очень близкие доверительные отношения (мы быстро перешли на «ты»), и сейчас мне трудно поверить, что были минуты, когда в отчаянии я готова была отступить.

Я благодарна Яну Красицкому за веру в то, что я справлюсь, за его терпение — первоначально работа шла очень медленно и трудно, и за его отзывчивость на любые мои советы и предложения. Русская версия нуждалась в своём индивидуальном подходе.

В заключение мне хотелось бы выразить благодарность тем, кто мне помогал и поддерживал на протяжении этих лет:

Елене Левицкой, сразу заявившей о готовности редакторски вычитывать мой текст в его многочисленных версиях именно с точки зрения правил русской грамматики, лексикологии, стилистики;

Кларе Эльберт, вице-директору Иерусалимской городской русской библиотеки, которая помогала мне в поисках источников и цитат;

Галине Зерниной, фотохудожнику, сделавшей нам — мне и автору — несколько вариантов фотографии обложки для нашей книги, чтобы отразить не только название работы, но и символическое присутствие Достоевского, для чего изъездила Петербург в поисках именно мест писателя;

Елене Лошаковой, специально, по моей просьбе, отправившейся в Стокгольмскую библиотеку, чтобы проверить точность одного обозначения по первоисточнику;

Руслану Лошакову, открывшему мне широкий спектр проблем «вокруг Достоевского» именно в области философии;

Марии Михайловой, помогавшей мне в поисках имён и дат;

Терезе Оболевич, с неизменной активностью, мгновенно высылавшей мне искомые материалы и поддерживавшей меня на протяжении всей работы;

Наталье Прозоровой — за её содействие в поисках «петербургского колорита» в течение всего времени моей работы;

Станиславу Сиесс-Кишиковскому и его жене **Дануте**, откликавшихся на все мои вопросы, просьбы и поиски нужных источников;

Сергею Владимировичу Теплоухову (библиографу I категории отдела справочно-информационного обслуживания ГПНТБ СО РАН) и **Вере Рудольфовне Черкашиной**, а также другим сотрудникам Библиотеки РАН за поиски для меня цитат, за отзывчивость и понимание;

Надежде Трубкиной, моему «классику», которая помогала мне в переводе рассредоточенных по тексту в обилии латинских и древнегреческих слов, выражений и пословиц;

Татьяне Щедриной — за проявленное внимание к теме и сделанные конкретные, существенные предложения.

И, конечно, моим ближайшим родственникам:

Гасану Гусейнову — за ценные подсказки в выработке точности перевода слов, терминов и названия;

Чингизу Гусейнову — моему мужу, безропотно терпевшему мою занятость, погруженность в материалы и внимательное выслушивание всех сложных отрывков, которые я ему первоначально читала. К сожалению, готовую книгу он уже не увидит и в руках не подержит.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЕНЬГИ И ИДЕЯ (вместо предисловия)

«Деньгами же я не буду богат»	1
«Рулетенбург»	3
Деньги и лаборатория идей	8
Эпилог	16

ДОСТОЕВСКИЙ И ФИЛОСОФИЯ

Феномен Достоевского	19
Художественность и философия	29
Две систематизации	34
Между <i>слышимым</i> и <i>видимым</i>	40
Бахтин: pro et contra	48
«Услышать Голядкина»: Общий закон творчества Достоевского	51
Реализм Достоевского	54
Философия Достоевского?	57
«Найти в человеке человека»	61
Тот, кто всегда «стоит перед нами»	62

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ХРИСТОЛОГИЯ

«Идиот» сегодня	64
«Князь Христос». Икона и образ	68
«Икона и топор».	71
Икона и экзистенция	76
Христос и <i>братья-враги</i>	79
«Знает ли нас Иисус?»	84
«Швейцарское» богословие	87
«Если нет Бога, нет и человека».	89
Художественная христология ещё раз. Гностика и агностика	92
Бог-человек и Бог, который «не заслужил» защиты	97

ХРИСТОС В ПЕТЕРБУРГЕ

Город и эмиссар из Швейцарии.	100
Быть сумасшедшим.	103
Другой ум	105
Восток и Запад.	109
Две чужести	111
Земля и «почва»	114
«Покорённый Мессия» и откровение Человека	116

ЗВЕЗДА *ПОЛЫНЬ*.

АПОКАЛИПТИКА И КАПИТАЛИЗМ

Лебедев	119
«Конь вороной»	121
Ваал	123
«Снятие чар» с мира и капитализм	125
Имена Зверя	127
«Евангельская фурия»	130

ТЕАТР МЫШКИНА.

ЮРОДСТВО В ТЕАТРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Жизнь как игра	132
«Безумие и смерть»	133
Забава или карнавал?	135
Весёлый ад. «Ессе homo!»	137
Танец продолжается	140
Любовь к «одной-одинёхонькой»	143
Миметизм и насилие	144
«За кулисами...»	147

НАСТАСЬЯ ФИЛИППОВНА,

или ИЗ ЖЕНЩИНЫ «СДЕЛАТЬ МУЖЧИНУ»

Достоевский и женский вопрос.	149
Перед тем, как выйти из вагона	154
Смотреть на женщину	156
«Не женятся и не посягают...».	157
<i>Анастасис</i>	163
Увидеть себя в Другом. Иной и иные	166
«Царь детей» и его брачный период	168

КАКАЯ КРАСОТА СПАСЁТ МИР?

Женская красота: бояться её или не бояться?	171
Сон Ипполита Терентьева	173
Иная красота.	175
Красота и «коротенькие люди»	176
Красота-Христос	179

TU ES ERGO SUM

Если Бога нет, всё позволено	181
Другой и путь к «иным мирам».	183
Речь, писание и Другой	186
Говорить и слушать	188
В доме Рогожина	191
«Когда диалог кончается — всё кончается»	194
Диалог как цель сама по себе	196
Слушая, становишься Другим.	200
Иной и Cogito	202
Зеркало и икона	207
Я и Другой: <i>Двойник</i>	209
Другой — это я сам?	212

БОГОСЛОВИЕ «У-БОГА»

Богословие как отрицательное богословие	216
«Эксцентрик и парадоксалист»	223
«Знающий всё...»	224
<i>Philosophia Christus</i>	225
С кафедры	228
«Сам Христос!»	233
Богочеловек и «Хозяин Петербурга»	234

В ЛАБОРАТОРИИ ИДЕЙ (вместо заключения) 238**СПРАВКА О ЦИТИРУЕМЫХ АВТОРАХ**

(<i>Е. Левицкая, Е. Твердислова</i>)	245
--	-----

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 283

Истинно, истинно говорю вам:
если пшеничное зерно, пав в землю,
не умрёт, то останется одно;
а если умрёт, то принесёт много плода.

Ин 12:24

ДЕНЬГИ И ИДЕЯ

(вместо предисловия)

«ДЕНЬГАМИ ЖЕ Я НЕ БУДУ БОГАТ»

Монументальная фигура Достоевского возвышается над веками. Вместе с тем своё начало она берёт в повседневности. Писателя волновали не только идеи, но и проблемы будничного бытия. Их было предостаточно, однако на первый план выбивается тема денег. Когда в 1844 году он вышел в отставку и решил посвятить себя литературе, его внимание, в основном, поглощала мысль о том, какой гонорар получают другие писатели, а какой — он. После успеха «Бедных людей», о которых, как пишет он брату Михаилу, «говорит уже пол-Петербурга» и благодаря которым его сравнивают с Гоголем,¹ его *тщеславие*, по словам философа Константина Мочульского, достигло апогея.² «А у меня, — заявляет он с энтузиазмом, — будущность преблистательная, брат!».³

В то же время в ином письме, в котором он также извещает о славе и успехах, появляется совсем другая интонация, а потому, рисуя перед братом перспективы литературной славы и заработков пером, тут же с грустью констатирует: «Деньгами же я до сих пор не богат».⁴ Трудно поверить, чтобы Досто-

¹ *Достоевский Ф. М.* Письма 1834–1881 < 55 от 8 октября 1845 г. и 57 от 1 февраля 1846 г.> // Полное собр. соч. в 30 т. — Л.: Наука. Ленингр. отд., 1985. — Т. 28, кн. 1, с. 113 и 118.

² «Письма брату этого периода (зима 1845 года и весна 1846 года) полны безграничного тщеславия и ребяческого хвастовства». См.: *Мочульский К.* Достоевский. Жизнь и творчество. — Париж: YMCA-Press, 1980, с. 38.

³ *Достоевский Ф. М.* Письма 1832–1859 / Указ. соч. — Т. 28, кн. 1, с. 118.

⁴ Там же. С. 115.

евский, который буквально «жил в литературе»,⁵ в то же время говорил главным образом... о деньгах. Подумать только, в письме от 30 сентября 1844 года, в котором он пишет брату о завершённых литературных делах и расходах, на двух страницах он расписывает свои расчёты нескольких сумм в рублях.⁶ При всём общем минорном тоне письмо заканчивается оптимистично, Достоевский сообщает брату: «Я кончаю роман в объёме „Eugénie Grandet“ (речь идёт о первой редакции „Бедных людей“. — Я. К.). <...> Получу, может быть, руб. 400, вот и все надежды мои».⁷ Что бы он собой представлял без денег? Обыгрывал свои собственные слова из «Бесов» (полное угрызений совести признание Верховенского Ставрогину): без них «ведь как Колумб без Америки».⁸ На славу и популярность не проживёшь. О его навязчивых или действительных горестях написано немало. Поражает, однако, нечто иное. То, что не может укрыться от внимания читателя и представляется самым существенным в понимании не только предпосылок, содержавшихся в цитируемом письме, но и в личности писателя, — это то, что в первой же фразе, открывающей текст письма, говорится не о деньгах, а о *замыслах*, или, скорее, *идеях* («У меня бездна идей»⁹), то есть не о как таковых литературных замыслах, которые, кажется, должны бы в нём бродить (*замыслы* есть у многих писателей), а именно об идее. Вот эти две вещи, или, скажем прямо — две мании: деньги и идеи, будут идти в его жизни рука об руку, став ключом к пониманию его биографии и творчества. Деньги — один из самых главных символов Достоевского. Это его отчаяние и надежда. Образ жизни в так называемом *Женевском Дневнике* Анны Григорь-

⁵ Мочульский К. Достоевский. Жизнь и творчество, с. 8.

⁶ Достоевский Ф. М. Письма 1832–1859 / Указ. соч. — Т. 28, кн. 1, с. 99–101.

⁷ Там же. С. 100.

⁸ Достоевский Ф. М. Бесы / Указ. соч. — Т. 10, с. 324; Выражение «Колумб без Америки» Достоевский позаимствовал у Герцена. Этими словами им был охарактеризован Бакунин в «Былом и думах» (дословно: «Колумб без Америки и корабля»). См.: Герцен А. И. Былое и думы. Часть 5. Н. И. Сазонов // Герцен А. И. Собр. соч. в 9 тт. — М.: Гос. изд-во худ. лит., 1956. — Т. 5, с. 576.

⁹ Достоевский Ф. М. Письма 1832–1859 / Указ. соч. — Т. 28, кн. 1, с. 116.

евны Достоевской¹⁰ показывает супругов в муках неустанных материальных терзаний и борьбе за деньги.

Прав прот. Василий Зеньковский, который полагает, что автор «Идиота» «принадлежит к тем творческим умам, которые **страдают от изобилия, а не от недостатка идей**» (выделено В.З.).¹¹ Избыток идей и отсутствие денег — что сделать, чтобы одно с другим поладило? При избытке идей стремление иметь деньги было у писателя столь мощным, что близкие видели в нём своеобразного «папашу Горио», человека «скупого»,¹² считающего каждый грош. Такой облик вырисовывается не только из воспоминаний и записок Анны Достоевской, чему мы хотим сейчас предоставить как можно больше места, но и других свидетельств.

«РУЛЕТЕНБУРГ»

Когда в 1867 году Фёдор Достоевский вместе с Анной приняли решение ехать за границу, — вовсе не из желания побывать тут с праздными целями (причиной, конечно, было и это), но прежде всего — чтобы убежать от кредиторов. Ибо

¹⁰ Достоевская А. Г. Дневник 1867 года. <№ 391> / Издание подготовила С. В. Житомирская. — М.: Наука, 1993. Серия: Литературные памятники.

¹¹ Зеньковский В. В. История русской философии. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1999, с. 474.

¹² Тему романа определяет отношение писателя к пасынку Павлу Исаеву. См.: Кутзее Джон Максвелл. Осень в Петербурге / Перевод С. Ильина. — М.: Эксмо, 2019. Герой книги Сергей Нечаев, член революционной организации «Народная расправа», которого Достоевский встретил в Петербурге (он оказался там якобы в связи со смертью пасынка Павла, тоже члена группы), требовал от писателя денег и упрекал его в том, что тот был «жадным» («скупым») в отношении пасынка. А кроме того, он — «азартный» человек и ещё «игрок». — Там же, глава 8.

Стоит иметь в виду, что избранный Джоном Максвеллом Кутзее жанр романа — достаточно свободный, допускающий не только вольность толкований образа русского писателя, но и его личной биографии, в которой многих эпизодов не существовало и быть не могло. Отсюда сложность интерпретаций его фэнтези: это — не историческая, не философская и не литературоведческая работа, а умелое вписывание в текстualную панораму Достоевского некоего выдуманного варианта, но в стиле писателя. С этим связана и вполне объяснимая — очень близкая к сути — характеристика Достоевского. — Прим. переводчика.

они постоянно жили в долгах, о чём до занудства пишет Анна в своих «Дневниках» и «Воспоминаниях», и без конца брали в долг.

Существует, однако, другая сторона медали. Монотонный и кажущийся бесконечным словоток Анны Григорьевны в её «Дневнике 1867 года» о долгах, деньгах, залогах у кредиторов прерывает неожиданная запись: «Сегодня он начал программу своего нового романа»¹³ (имеется в виду «Идиот» — Я. К.). Идеи его не отпускают даже в ситуации, полной безнадежности, следуют за ним всюду. Не отступают от него ни на шаг и в полной безнадежности следуют за ним, где бы ни находился — в России или за границей. Бесперывно толкутся в его голове. Они с ним на собрании петрашевцев, где в присутствии семи наиболее его радикальных членов (кружок Сергея Ф. Дурова) он зачитывает знаменитое письмо Белинского Гоголю (что стало главным поводом на его процессе, после которого он был приговорён к смерти, но приговор по царской милости ему заменили на 4-летнюю каторгу в Сибири); в годы каторги; в салонах Петербурга, где закомплексованный молодой литератор, инженер по образованию, добивается признания и восхвалений; в Женеве, на сборище русской политической эмиграции: именно тут остановились они с Анной Григорьевной; в Дрезденском музее, в котором его внимание привлекла Сикстинская Мадонна Рафаэля; в Музее искусств в Базеле, когда уже на следующий день после знакомства с Гансом Гольбейном Младшим и его «Мёртвым Христом в гробу» (1521–1522) он испытает сильнейший приступ эпилепсии; наконец, в тех местах, где играл в рулетку...

Вот подлинные остановки на Крестном пути их супружества. Висбаден и Баден-Баден в Германии, Саксон-ле-Бен в Швейцарии, куда направляется поездом, чтобы отыграть и таким образом расплатиться с долгами, забрать вещи у кредитора, заложенные в ломбарде, и выслать деньги, чтобы под-

¹³ *Достоевская А. Г. Дневник 1867 года <19 сентября>. — Кн. 3., с. 275. Эта запись и сделанная к ней сноска (№ 53) позволяют уточнить дату начала работы над романом, то есть 1 октября (19 сентября) 1867 года, и в какой тетради находятся записи, сделанные Достоевским к этому роману. — См.: Там же. С. 439.*

держат семью брата Михаила или своего сына Павла — пасынка от первого брака с Марией Исаевой. В отношении этой ситуации «виделся ему лишь один выход: писать как можно больше и быстро, чтобы заработать так сейчас необходимые деньги».¹⁴ Когда же ни сил, ни времени не доставало, предлагала себя рулетка. Поездка в «Рулетенбург».¹⁵ Однако в отеле оставалась не одна только Анна, но и жемчужина его связи с Анной — болеющая дочечка Соня. Ей не было ещё и месяца, когда он отправился на игры в рулетку, в Саксон-ле-Бен. Она умерла 12 мая, прожив всего три месяца.

В Бадене он проиграл в рулетку последние деньги, взяв в долг даже у самого Ивана Тургенева, своего бывшего «кумира»¹⁶ да к тому же и большого его соперника (писатель Кармазинов в «Бесах»¹⁷), того самого Тургенева, который, используя неповторимую возможность, не забыл его столь элегантно и учтивым образом унижить при даме: «Господин... э-э, — он сделал небольшую паузу, словно не мог сразу вспомнить имени, — господин Достоевский, бывший инженер, а ныне петербургский литератор».¹⁸ Пропасть разверзалась на каждом шагу, с ним она везде, и, как приговор, звучат после очередной игры его слова: «Всё проиграл»...

¹⁴ Зёрнов Н. М. Достоевский / Н. М. Зёрнов. Три русских пророка: Хомяков А. С., Достоевский Ф. М., Соловьёв В. С. / Перевод с англ. Ю. Табака. — С-Пб.: Русская симфония, 2010, с. 198.

¹⁵ *Dostojewski F. Gracz / F. Dostojewski. Notatki z podziemia. Gracz.* — London, 1992, s. 113. «Название придумано. Имеется в виду, конечно, Висбаден. Достоевский бывал там в 1862-м, 1863-м, 1865-м годах» (сноска № 1).

В 1932 году Леонидом Гроссманом была проведена работа по возрождению первоначального заглавия романа Достоевского «Игрок». Так возник «Рулетенбург. Роман-биография», название которого было изменено на «Игрок» по настоянию книгоиздателя Ф. Т. Стелловского, чему Достоевский вынужден был подчиниться. Книга вышла в издательстве «Захаров» в 2002 г. См.: <https://www.zakharov.ru/knigi/katalog/ruletenburg-roman-biografiya.html> (примечание переводчика).

¹⁶ Цыпкин Л. «Лето в Бадене» и другие сочинения. — М.: Новое Литературное Обозрение, 2005, с. 80.

¹⁷ Долинин А. С. Тургенев в «Бесах» / А. С. Долинин. Достоевский и другие. Статьи и исследования о русской классической литературе. — Л.: Худ. лит. Ленигр. отд., 1989, с. 15.

¹⁸ Цыпкин Л. «Лето в Бадене» и другие сочинения... с. 85.

И хотя в письме брату от 16 ноября 1845 года он бахвалится: «У меня будут деньги»,¹⁹ — не так уж часто и успешно они у него бывают, как он об этом заранее оповещает. Стоит, однако, заметить, вполне возможно, не будь у него этого постоянного отсутствия денег, его идеи и замыслы оставались бы только в его голове. Но выходило иначе. Всю жизнь Достоевский жаждал финансовой стабильности и всю жизнь делал всё, чтобы таковой не было. Он хотел, чтобы у него были деньги, рядом — словно на расстоянии протянутой руки, и они вдруг от него улетали. Их постоянно не хватало. Он избегал трагедии, но та, о которой писал Лев Шестов, отпустить его не хотела.

Своим каторжным писательским трудом он зарабатывал не только на содержание своей семьи. Он покрывал очередные долги, отдавал их, потом снова... играл! Поясняя свои намерения, он просил у друзей и знакомых займы деньги, теряя порой всякий стыд.²⁰ В Женеве он сдавал в ломбард одежду, вещи — свои собственные и жены, и даже отдал в залог обручальные кольца.

Запись, сделанная реалистически, потрясает силой переданных в ней переживаний, что составляет так называемый *Женевский дневник* Анны Достоевской. Его жена пишет о своих израненных мужем чувствах не только потому, что он мог изменять ей со своей бывшей возлюбленной Аполлиной Суловой, кричал на неё,²¹ оскорблял и унижал, но ещё и потому, что он был неверным в другом смысле: главной его страстью оставалась рулетка. Он уходил играть чаще всего один, а проиграв, долго и с болью переживал это в одиноких раздумьях. В одной из своих записей Анна замечает: «Сегодня, когда рассчитали наши деньги, то Федя сказал, откладывая 100 франков в стол: „А вот на эти я отправлюсь в Саксон-ле-Бен“. У него есть решительное намерение отправиться туда, ведь вот странный человек; кажется, судьба так сильно наказывает, так много раз показала ему, что ему не разбогатеть на рулетке, нет, этот чело-

¹⁹ *Достоевский Ф. М.* Письма 1832–1859 / Указ. соч. — Т. 28, кн. 1, с. 116.

²⁰ См., напр.: *Достоевский Ф. М.* Письмо Аполлону Майкову <Женева, 16 (28) августа 1867 г.> / Указ. соч. — Т. 28, кн. 2, с. 203–215.

²¹ *Достоевская А. Г.* Дневник 1867 года <Запись от 30 августа (11 сентября)>. — Кн. 3, с. 249–250.

век неисправим, он всё-таки убеждён, и я уверена, что всегда убеждён, что непременно разбогатеет, непременно выиграет, и тогда может помочь своим подлецам».²²

Поразительно, но в семье, глава которой — один из самых оригинальных умов мира, относительно своего финансового положения господствовал несносный стереотип, с раздражающей регулярностью повторяющий одни и те же ситуации и манеру поведения: «Федя куда-то отправился, чтобы выкупить кольца и платье. <...> Утром Федя сходил и, наконец, выкупил своё пальто и наши кольца».²³ Слова и ситуации можно лишь множить и множить, а сколько раз повторяются «ссуда», «кредитор», «франки» и самое запретное — «рулетка». В Женеве, где они прожили 1867 год, Анна Григорьевна вспоминает: «Мне ещё никогда не случалось так тосковать, даже в Бадене при наших огромных проигрышах».²⁴ В очередной раз, оказавшись в подобной ситуации, она вспоминает: «Тут мы рассудили с ним, что теперь делать и у кого просить денег».²⁵

Мысль о большом выигрыше не оставляет Достоевского, ибо, как он пишет в письме к Аполлону Майкову, датированном

²² Там же. <Запись от 18/6 сентября>. — Кн. 3, с. 257. Речь идёт о семье умершего брата писателя Михаила (Эмилии Достоевской и её детей), а также о пасынке Достоевского — Павле Исаеве, который, будучи на содержании писателя, не хотел ни учиться, ни взяться за работу. Анна Григорьевна, не стесняясь в выражениях, называет их «подлецами»: «Надо прежде долги все отдать и этих подлецов успокоить» (См.: *Достоевская А. Г. Дневник 1867 года.* — С. 274). Збигнев Подгужец, комментируя Примечания, сопровождающие записки А. Г. Достоевской, поясняет: «В то время в России закон предполагал наказание долговой тюрьмой за неуплату долгов. Именно из страха перед кредиторами, с которыми писатель был не в состоянии расплатиться в срок, причём, не за свои долги, а за оставшиеся после смерти брата (писатель все обязательства взял на себя), Достоевский вынужден был вместе с женой в начале 1867 года уехать за границу, откуда при посредничестве тёщи и Аполлона Майкова следил за оплатой самых срочных счетов» (См.: *Dostojewska A. Dziennik genewski (fragmenty). Przełożył Z. Podgórzec.* — Kraków, 1984. — S. 235. — Przypis 26.) «Отмена долговых тюрем» (для тех, кто не в состоянии справиться с долгами, о чём пишет Анна Григорьевна) могла означать для Достоевского возможность немедленного возвращения в Россию» (*Достоевская А. Г. Дневник 1967 года.* — Кн. 3, прим. 39, с. 438), что было, замечает Подгужец, «мечтой Достоевского» (*Dostojewska A. Dziennik genewski.* — Ibid).

²³ *Достоевская А. Г. Дневник 1867 года.* — Кн. 3, с. 236, 238.

²⁴ Там же. С. 284.

²⁵ Там же.

16(28) августа 1867 года, это «ведь лёгкая и возможная возможность поправить всё!»,²⁶ и что «Кроме собственного выигрыша, ежедневно видишь, как другие берут по 20 000, 30 000 франков. (Проигравшихся не видишь.)».²⁷ И риторический вопрос: «Чем они святые? мне деньги нужнее их». Финал, как всегда, предскажем: «рискнул дальше и проиграл», однако в его версии проигрыш — это «бес тотчас же сыграл со мной штуку».²⁸

В одном он не обманывался: как он признаётся в уже цитируемом письме Майкову, «я до последнего предела дохожу»,²⁹ говоря, что, когда оказался недалеко от Бадена, мучила его соблазнительная мысль: «пожертвовать 10 луидоров, и, может быть, выиграю хоть 2000 франков лишних, а ведь это на 4 месяца житья, со всем, со всеми петербургскими».³⁰

ДЕНЬГИ И ЛАБОРАТОРИЯ ИДЕЙ

В целом, Достоевский не столько читал, сколько размышлял, и очень сильно всё переживал, даже чересчур, согласно его отцу, который за это ему выговаривал, а порой и наказывал. Такими, во всяком случае, были его невесёлые воспоминания детства и юношеских лет. Его раздирали не мысли как таковые, а мысли-образы, они невыносимо его преследовали, исчерпывая его диалектику идей. Это были отнюдь не идейные концепты и не идеи, вычитанные из философских сочинений, а нечто более глубокое, страстное, обсессивное, бездонное. Об идеях так не писал ни один философ и ни один так ими не загорался.

Творчество Достоевского, увиденное в этом аспекте, показывает, что путь по направлению глубоких проблем — философских и философичных идей, не пролегает по дороге вымышленных концептов; что абстракции не могут идти нога в ногу с идеями. Новое и творческое даны первоначально в образе,

²⁶ *Достоевский Ф. М.* Письма 1860–1868 / Указ. соч. — Т. 28, кн. 2, с. 208.

²⁷ *Там же.*

²⁸ *Там же.* С. 207.

²⁹ *Там же.*

³⁰ *Достоевский Ф. М.* Письма 1860–1868 / Указ. соч. — Т. 28, кн. 2, с. 207.

предчувствии, воображении, в интуитивном ощущении. Эти понятия — лишь выражение того, что приходит неясным образом и возникает из мрака. В творческой манере писателя вначале проявляют себя интуиция и видение, и только потом возникают понятия.

Достоевский, которому не откажешь в великих идеях, и который поднимал важные философские вопросы, не прибегал к понятийному анализу или знаниям философии, свои задачи он осуществлял за счёт реализации собственных предчувствий, интуиции, образов. Ярким примером может служить образ Кириллова из романа «Бесы», своеобразный alter ego писателя (как и Достоевский, он по профессии был инженер), им в прямом смысле владела одна-единственная идея — идея Бога. Кириллов говорил о себе: «Всякий думает и потом сейчас о другом думает. Я не могу о другом, я всю жизнь об одном. Меня бог всю жизнь мучил».³¹

В действительности «идеи» мучили писателя. По его мнению, люди, то есть конкретные личности, одарены собственным, а не универсальным разумом, «есть разум Иванов, Петров, Густавов»,³² «а чистого разума совсем не бывало», ведь «это только неосновательная выдумка восемнадцатого столетия».³³ Его герои, впрочем, как и он сам, живут ради идеи и умирают за неё. Идея, а не философская абстракция, их питает и уничтожает, снабжает крыльями и притягивает на землю, а бывает, что и затягивает на самое дно преисподней.

В своём творчестве Достоевский работает в некоей лаборатории идей и совершает, по выражению Н. Бердяева, своеобразные «антропологические эксперименты»,³⁴ исследует влияние идей на людей и общество, опытно сверяет истинность формулы Платона, утверждавшего, что не человеческие личности, а идеи, которые признаются, и жертвами которых становятся, управляют миром. Более того, словно учёный девятнадцато-

³¹ Достоевский Ф. М. Бесы / Указ. соч. — т. 10, с. 94.

³² Достоевский Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях / Указ. соч. — Т. 5, с. 78.

³³ Там же.

³⁴ Бердяев Н. А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского / Н. А. Бердяев. Смысл творчества. — М.: АСТ Москва, 2007, с. 339.

го века, «мученик» науки, если можно так сказать, рискующий здоровьем и собственной жизнью, писатель подвергает себя их влиянию. Прежде чем они покинут стены лаборатории, он поставит эксперимент на самом себе.

А потому, если у Платона, существуя в идеальной, трансцендентной сфере, они кажутся лишёнными телесной формы, у Достоевского, напротив, они будто воплощаются телесно, становятся живыми существами, сущностями из крови и кости. Насколько же правдиво утверждение русского учёного Георгия Фридлендера, который пишет, что согласно Достоевскому, «с идеями нельзя шутить. Идеи — это тоже своего рода живые существа, одарённые кровью и плотью. Они могут быть благотворны, но могут стать и ядовитыми трихинами, разрушительной силой в жизни и отдельного человека, и общества в целом. В своих романах Достоевский постоянно испытывал на прочность не только различные типы людей, но и распространённые в его время или рождавшиеся на его глазах системы идей».³⁵

И дальше мы читаем у него: «Романы Достоевского и являются, в сущности, каждый раз грандиозной художественной лабораторией», где проверяются разные абстрактные идеи — их тоже признают за «абсолютные» (Гегель).³⁶ В числе проводимых писателем экспериментов «раскрываются не только их явные, но и скрытые потенции, их „рго“ и „contra“, их благотворность для человечества или их способность служить орудием зла в руках фанатика или „обманутого обманщика“ — категория, к которой принадлежат многие из его трагических героев».³⁷ И поскольку они остаются неким образом воплощёнными телесно, но иначе, чем в философии Платона, не покоятся в трансцендентной сфере, а остаются в непрестанной борьбе с собой, трудно ухватить как таковую философскую идею писателя.

Мученики идей, такие как Достоевский, словно бы подтверждают, что великие идеи ходят своими особыми дорогами и тропами, их не приговаривают к академическому трибуналу,

³⁵ Фридлендер Г. М. В борьбе идей (Достоевский в современном мире) / Г. М. Фридлендер. Достоевский и мировая литература. — М.: Худ. лит., 1979, с. 17.

³⁶ Фридлендер Г. М. Достоевский и мировая литература, с. 17–18.

³⁷ Там же, с. 18.

и что глубоко философская мысль идёт путём внутреннего опыта и переживаний, а не умозрительного и абстрактного анализа, что можно ставить и решать самые глубокие философские проблемы, даже не легитимируя их научным цензом.

Писатель точно так же насмеялся над философией, как ей предавался. Семнадцатилетний Достоевский в письме брату от 9 августа 1838 года ссылается на известную мысль Паскаля, что протестовать — это философствовать: «Кто протестует против философии, тот сам философ». И добавляет: «Жалкая философия!».³⁸ И вместе с тем в годы сибирской каторги просит присылать ему философские сочинения. А позднее, будучи уже великим и известным, слушает лекции по философии, которые ему читает отец русской философии и друг дома Достоевских Владимир Соловьёв.

Для нашего времени — с его увяданием философии и утратой философского эроса — Достоевский представляется чем-то вроде своего рода извращения, скандала. Он — тот, кто, как пишет современный философ Владимир Кантор, «изображая, понимал».³⁹ Кантор неслучайно вынес эту формулу в заголовок, ибо считает, что в творчестве этого писателя невозможно отделить философское мышление от художественного его выражения.

В сочинениях Достоевского мысль неотрывна от чувств и непосредственно пронизывает тело. Макар Деушкин в романе «Бедные люди» пишет Вареньке, что у него «мысли-то такие чудные, как будто и они тоже болят».⁴⁰ Как отмечает западный исследователь Роберт Л. Джексон: «Мысль в произведениях Достоевского обнаруживает себя сама как интегральная часть чувств и эмоций».⁴¹

При этом заставляет задуматься, если не возмутиться, сам факт того, что, создавая свои философские романы, Достоев-

³⁸ *Достоевский Ф. М.* Письма / Указ. соч. — Т. 28, кн. 1, с. 50.

³⁹ *Кантор В. К.* Изображая, понимать, или *Sententia sensa*: философия в литературном тексте. — Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН. — М.: ЦГИ Принт, 2017 (Российские Пропилеи).

⁴⁰ *Достоевский Ф. М.* Бедные люди / Указ. соч. — Т. 1, с. 21.

⁴¹ *Jackson R. L.* *Dostoevsky Today and for All Times.* — *Dostoevsky Studies. New Series*, 2002, vol. VI, p. 11.

ский почти не читал философских сочинений... Почему? Его ежедневным чтением было Евангелие и труды восточных отцов Церкви, особенно св. Исаака Сирина (ок. 640 — ок. 700 гг.). И тем не менее, с самых ранних лет он купался в море мыслей. Терзавшие его идеи, собственно говоря, были и не идеями вовсе, а его собственными детьми.

И не потому ли в его сочинениях куда больше жара и мощи, чем во многих философских трактатах? И не потому ли — в отличие от бесчисленных философских книг, которые спят спокойным сном в библиотеках всего мира, его «бездна идей» столь притягательна и так много вбирает в себя даже сегодня, в наши дни? Может быть, всё это происходит потому, что, да, был «литератором», как его когда-то представил Тургенев некой молодой даме, явно желая таким образом его, по крайней мере, сконфузить, но был и в недооценённом ныне значении этого слова *писателем*? Может быть потому, что жил, как писал, то есть жизнью своих мыслей, жизнью мыслей телесных, воплотившихся, пронизывающих человека до мозга костей, объемля всё его существование.

И хотя на тему произведений Достоевского написано немало, и ещё будут создаваться очередные толстые тома различных научных исследований и диссертаций, сам он, если можно так сказать, не имел ни малейшего понятия о мире философских положений и концепций. В то же время, никто не станет отрицать, что его творчество включает в себе могучий философский заряд, и *casus* Достоевского красноречиво свидетельствует, что там, где нет философского эроса и философского страдания, нет и философии. Ибо из страдания рождаются сила и мощь его произведений, и то, что он показывает, — это реализм, почерпнутый из собственных испытаний, насыщенный его личными пристрастиями и склонностями до такой степени, что, отдавая свои идеи, он, в итоге, отдавал нам себя.

Константин Мочульский справедливо утверждает — хоть и предостерегает от того, чтобы сказанное воспринимать слишком поверхностно: «Все романы Достоевского в глубоком смысле автобиографичны».⁴² Борис Бурсов, в свою очередь,

⁴² Мочульский К. Достоевский. Жизнь и творчество. С. 12.

замечает, что все его герои, даже если они в нравственном смысле крайние ему противоположности, постоянно анализируют проблемы, которые всю жизнь поглощали писателя.⁴³ Достоевский весь из своих героев, и его герои — это он, «кость от кости». Он — это они все, и каждый из них в отдельности. Он и Раскольников, и Кириллов, братья Карамазовы и Ставрогин, Мышкин и Голядкин, ибо всегда шёл с ними рука об руку. Его «двойник» проглядывает не только со страниц «петербургской поэмы», но из каждого его сочинения,⁴⁴ и задолго до того, как он обозначил себя в строках этой повести, он уже являлся ему в те годы, когда писатель был студентом Главного инженерного училища. Чтобы испытать, что значит быть «сумасшедшим», он собирался для этого, согласно его собственным признаниям в письме к брату, даже «сделаться сумасшедшим», «взбеситься».⁴⁵

Прежде чем в своей прозе подарить «подполье» герою «Записок из подполья», писатель сначала сам осмотрел его закамарки, и, как пишет русский исследователь Николай Зёрнов, «о Достоевском можно образно сказать, что он неожиданно обнаружил в хорошо знакомом доме множество комнат, коридоров, чуланов, о существовании которых и не подозревали владельцы дома. Он был способен проникнуть в самые потаённые уголки человеческой души»,⁴⁶ о наличии которых не знали даже жильцы, «куда никогда не заглядывали до него ни писатели, ни учёные».⁴⁷ Л. Н. Столович считает, что глубокие философские идеи своих героев Достоевский почерпнул не только из учения своих предшественников, но и из самых недр собственной личности,⁴⁸ вызревавших в ней переживаний, идей и мыслей.

⁴³ См.: Бурсов Б. Личность Достоевского. — М.: Советский писатель, 1974.

⁴⁴ См. напр.: Ермакова М. Я. «Двойничество» в «Бесах» // Достоевский. Материалы и исследования / Ред. Г. М. Фридендер. — Л.: Наука. Ленинградское отд., 1976, т. 2.

⁴⁵ Мочульский К. Достоевский. Жизнь и творчество. С. 19.

⁴⁶ Зёрнов Н. М. Достоевский / Н. М. Зёрнов. Три русских пророка. С. 202–203.

⁴⁷ Зёрнов Н. М. Три русских пророка. С. 203.

⁴⁸ Столович Л. Н. История русской философии. Очерки. — М.: Республика, 2005. С. 153.

По мнению Мочульского, «сюжет „Двойника“ <...> развивает тему „Записок сумасшедшего“ Гоголя». Тогда как «мотив раздвоения сознания внушён другим рассказом Гоголя „Нос“». ⁴⁹ Всё это верно, однако в истоке одного из наиболее глубоких психологических генезисов двойника, пишет современный русский комментатор мысли Достоевского Валерий Подорога, ⁵⁰ лежала двойственная натура самого писателя и соединившиеся вместе разные черты его личности. ⁵¹ Прежде чем наделить раздвоением личности Голядкина, это раздвоение он испытал на себе сам. Его двойник до воплощения в Голядкина возник в нём самом, он его питал собственной кровью, и на свет явился уже в его личной раздвоенности.

А потому, когда Николай Страхов в оскорбительной форме нравственного порицания пишет в письме Л. Толстому (и заметим, уже после смерти Достоевского), что «лица, наиболее на него похожие, — это герой „Записок из подполья“, Свидригайлов в „Преступлении и наказании“ и Ставрогин в „Бесах“», ⁵² — в свете вышесказанного эти слова можно и следует прочитывать как похвалу, а не как порицание. Ибо такова цена таланта, каким бы жестоким он ни был. Такова цена искусства.

А в произведениях можно встретить не только «лиц, на него похожих» (по выражению Страхова), но и его самого, а также сцену с «соблазнением девочки» в бане в одной из глав «Бесов», шокировавшую Страхова, которую, как пишет обличитель писателя, «„Катков не хотел печатать“, а Достоевский здесь её

⁴⁹ Мочульский К. Достоевский. Жизнь и творчество, С. 42.

⁵⁰ Подорога В. А. Рождение двойника. Логика психомимесиса и литература Ф. Достоевского / В. А. Подорога. Материалы по аналитической антропологии литературы в 2 тт. — М.: Культурная революция, Ин-т философии РАН, Логос, Logos altera, 2006. — Т. 1. — Н. Гоголь, Ф. Достоевский.

⁵¹ Бурсов Б. Личность Достоевского, с. 629–631.

⁵² Достоевская А. Г. Воспоминания. — М.: Художественная литература, 1971, с. 396. Цитата взята из главы «Ответ Страхову», где А. Г. Достоевская, в частности, пишет о том, что ей приходится «выступить в защиту светлой памяти» мужа против «гнусной клеветы, взведённой на него человеком, которого муж мой, я и вся наша семья десятки лет считали своим искренним другом». — Там же, с. 395. Она приводит оскорбительное и вызвавшее большой скандал письмо Н. Н. Страхова Л. Н. Толстому от 28 ноября 1883 года, но опубликованное только в октябрьском номере «Современного мира» за 1913 год.

читал многим».⁵³ Ясности и норме, как закону «дважды два — четыре», в его мире всегда соответствует темнота и подполье, а «двойственность» и «двойничество» становятся прямо «идеологией».⁵⁴ Такое отношение писателя к идеям и их литературному воплощению не было выражением взгляда того, кто смотрит со стороны, с позиции наблюдателя, это был взгляд человека, который сам участвует в драме идей и свидетельствует, что люди — не только субъекты и творцы идей, но и её жертвы, что идеи не остаются безнаказанными, и у всякой воплощённой идеи есть не только интеллектуальная, но и нравственная, а также экзистенциальная история, как, впрочем, и цена. Есть своя судьба.

Эти слова находят подтверждение в письме Л. Толстого Страхову: «Какая огромная разница между таким философствованием, при котором играешь словами, и таким изложением мысли, при котором готовишься жить и умереть на основании тех слов, которые высказываешь».⁵⁵

Тысячи томов, содержащих философские научные труды и диспуты, почивают в архивах философии, тогда как сочинения Достоевского по сегодняшнюю пору продолжают сохранять своё инспирирующее значение. Творческим воображением Достоевский мыслит и философствует как мало кто, и одно это говорит о том, что самые высокие идеи являлись ему в обыденной жизни, как тогда в поезде, в котором, как обычно, погруженный в свои размышления, он держал путь в салоны игры в рулетку, в Саксон-ле-Бен...

⁵³ Речь идёт о главе «У Тихона», известной как «Исповедь Ставрогина», которая, по замыслу писателя, должна была войти в роман после главы «Иван Царевич». — Там же, с. 397.

⁵⁴ Яковенко Б. В. История русской философии / Перевод с чеш. М. Ф. Солодухиной. — М.: Республика, 2003, с. 308.

⁵⁵ Толстой Л. Н. Полное собр. соч. (юбилейное) в 90 тт. — М. — Л.: Худ. лит., 1953, с. 266–267.

ЭПИЛОГ

Свои романы писатель нередко заканчивал эпилогом. Есть он и у нашей истории. Как писала Анна Григорьевна Достоевская, несмотря на то, что в Европе закрывались дома для игры в рулетку, и Рулетенбург себя завершил, искус игры продолжал делать своё дело.⁵⁶ Автор «Дневника 1867 года» при всех отрица-

⁵⁶ «Фёдор Михайлович так часто говорил о несомненной „гибели“ своего таланта, так мучился мыслью, чем он прокормит свою всё увеличивающуюся и столь дорогую для него семью, что я иногда приходила в отчаяние, слушая его. Чтобы успокоить его тревожное настроение и отогнать мрачные мысли, мешавшие ему сосредоточиться на своей работе, я прибегла к тому средству, которое всегда рассеивало и развлекало его. Воспользовавшись тем, что у нас имелась некоторая сумма денег (талеров триста), я завела как-то речь о рулетке, о том, отчего бы ему ещё раз не попытаться счастья, говорила, что приходилось же ему выигрывать, почему не надеяться, что на этот раз удача будет на его стороне, и т.п. Конечно, я ни минуты не рассчитывала на выигрыш, и мне очень жаль было ста талеров, которыми приходилось пожертвовать, но я знала из опыта прежних его поездок на рулетку, что, испытав новые бурные впечатления, удовлетворив свою потребность к риску, к игре, Фёдор Михайлович вернётся успокоенным, и, убедившись в тщетности его надежд на выигрыш, он с новыми силами примется за роман и в две-три недели вернёт все проигранное. Моя идея о рулетке была слишком по душе мужу, и он не стал от неё отказываться. Взяв с собою сто двадцать талеров и условившись, что, в случае проигрыша, я пришлю ему на выезд, он уехал в Висбаден, где и пробыл неделю. Как я и предполагала, игра на рулетке имела плачевный результат и вместе с поездкою Фёдор Михайлович издержал сто восемьдесят талеров — сумму, для нас тогда очень значительную. Но те жестокие муки, которые испытал Фёдор Михайлович в эту неделю, когда укорял себя в том, что отнял деньги от семьи, от меня и ребёнка, так на него повлияли, что он решил, что более никогда в жизни не будет играть на рулетке. Вот что писал мне мой муж от 28 апреля 1871 года: „Надо мною великое дело совершилось, исчезла гнусная фантазия, мучившая меня почти десять лет (или, лучше, со смерти брата, когда я вдруг был подавлен долгами); я всё мечтал выиграть; мечтал серьёзно, страстно. Теперь же всё кончено! Это был вполне *последний* раз. Веришь ли ты тому, Аня, что у меня теперь руки развязаны; я был связан игрой; я теперь буду об деле думать и не мечтать по целым ночам об игре, как бывало это».

Конечно, я не могла сразу поверить такому громадному счастью, как охлаждение Фёдора Михайловича к игре на рулетке. Ведь он много раз обещал мне не играть и не в силах был исполнить своего слова. Однако счастье это осуществилось, и это был действительно последний раз, когда он играл на рулетке. Впоследствии, в свои поездки за границу (1874, 1875, 1876, 1879 гг.) Фёдор Михайлович ни разу не подумал поехать в игорный город. Правда, в Германии вскоре были закрыты рулетки, но существовали в Спа, Саксоне и в Монте-Карло. Расстояние не помешало бы мужу

тельных сторонах в общем балансе положительно оценивает их четырехлетнее пребывание за границей. Прежде всего, с точки зрения внутренней перемены мужа, который благодаря этому стал «мягче, добрее и снисходительнее», но главное, избавился от азарта.⁵⁷

И хотя шёл он *долиною смертной тени* дурной привычки, не убоился зла (Пс: 23 (24), 4). Показательна сцена в ссылке, когда писателя, лежащего на нарах в «разваливающемся бараке» («Записки из Мёртвого дома»),⁵⁸ посреди преступников, с их драками, ссорами, пьянством и падением нравственности, вдруг посещают светлые воспоминания детства и то, как его напугало слово «волк», услышанное в крике кого-то «волк бежит», а мужик Марей, который в этот момент в поле пахал со-

сездить туда, если б он пожелал. Но его уже более не тянуло к игре. Казалось, эта «фантазия» Фёдора Михайловича выиграть на рулетке была как-им-то наваждением или болезнью, от которой он внезапно и навсегда исцелился». — См.: *Достоевская А. Г.* Воспоминания, с. 196–197.

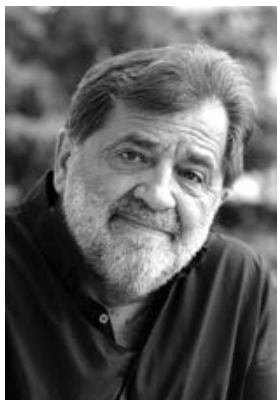
⁵⁷ «Заканчивая обзор нашего более чем четырехлетнего пребывания за границей, скажу о внутреннем значении нашей столь долго уединённой жизни. Несмотря на бесчисленные заботы и всегдашние денежные недостатки и иногда угнетающую скуку, столь продолжительная уединённая жизнь имела плодотворное влияние на проявление и развитие в моём муже всегда бывших в нём христианских мыслей и чувств. Все друзья и знакомые, встречаясь с нами по возвращении из-за границы, говорили мне, что не узнают Фёдора Михайловича, до такой степени его характер изменился к лучшему, до того он стал мягче, добрее и снисходительнее к людям. Привычная ему строптивость и нетерпеливость почти совершенно исчезли. Приведу из воспоминаний Н. Н. Страхова [„Биография и письма“, стр. 294. (Прим. А. Г. Достоевской.)]: „Я совершенно убеждён, что эти четыре с лишним года, проведённые Фёдором Михайловичем за границей, были лучшим временем его жизни, то есть таким, которое принесло ему всего больше глубоких и чистых мыслей и чувств. Он очень усильно работал и часто нуждался; но он имел покой и радость счастливой семейной жизни и почти всё время жил в совершенном уединении, то есть вдали от всяких значительных поводов оставлять прямой путь развития своих мыслей и глубокой душевной работы. Рождение детей, забота о них, участие одного супруга в страданиях другого, даже самая смерть первого ребёнка, — всё это чистые, иногда высокие впечатления. Нет сомнения, что именно за границей, при этой обстановке и этих долгих и спокойных размышлениях, в нём совершилось особенное раскрытие того христианского духа, который всегда жил в нём». — Там же. С. 200–201.

⁵⁸ *Эриксон Я.* «Кто-то посетил мою душу». Духовный путь Достоевского / Перевод со швед. Л. П. Олдыревой-Густафссон. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010, с. 22.

хой, успокаивал его словами: «Христос с тобой!».⁵⁹ Испытание зла, что признаёт и главный обличитель Достоевского Страхов, не погасило, а даже усилило в нём внутренний свет — тот самый, что зажигался в одной из комнат его родного дома в Москве, во флигеле Мариинской больницы для бедных.⁶⁰

⁵⁹ Там же, с. 23. (Обращает на себя внимание «разваливающийся барак» — так звучит в оригинале. У Достоевского в «Записках из Мёртвого дома» нет слова «барак», употребляются «казарма», «острог», тогда как «барак» в этом значении — более позднего, советского происхождения. — Прим. переводчика.)

⁶⁰ «В одной из комнат перед иконой горит лампада, и первое детское воспоминание связано у Фёдора с этим углом его родного дома. Ему три года, и он вместе со своей няней Алёной Фроловной становится на колени и читает молитву: „Владычица Царица Небесная! Ты мне упование и прибежище, покров, и заступление, и помощь“. Эта молитва сопутствует ему всю жизнь, а лампадой, горящей перед иконой, освещены его жизнь и творчество. Лампада горит порой, едва мерцая, но она горит, и горение её тем сильнее вселяет надежду, чем безысходней кажется сама жизнь». — Там же, с. 22. (Надо заметить, что безысходной жизнь Достоевскому не казалась никогда. Даже в остроге он жил надеждой на возвращение, и в отчаяние впадал по-настоящему только в одном случае — проиграл большие деньги, а они нужны — на содержание семьи брата, пасынка...).

Ян Красицкий (1954 г.р.) — польский учёный, доктор философии, окончил Вроцлавский университет по специальности «польская филология» и докторантуру Варшавского университета по философии. Основными областями его исследований являются философская антропология, философия религии и культуры, главным образом в области русской, польской и немецкой мысли последних двух столетий.

Им опубликованы, в частности, следующие книги: «Эсхатология и мессианиззм. Исследование мировоззрения Мариана Здзеховского» (Вроцлав, 1994), «Против небытия. Эссе» (Краков, 2002), «Бог, человек и зло. Исследование философии Владимира Соловьёва» (Вроцлав, 2003, русский перевод вышел в свет в Москве, в 2009 году), «После «смерти Бога». Эсхатологические очерки» (Краков, 2011), «Бердяев и другие (в кругу мысли русского религиозно-философского ренессанса)» (Варшава, 2012), «Разум и Другой. Опыты по русской и европейской мысли» (Санкт-Петербург, 2015). Он автор более ста статей, опубликованных в стране и за рубежом.

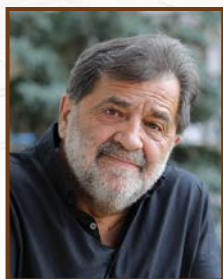

ЕЛЕНА ТВЕРДИСЛОВА. Окончила филологический факультет МГУ им. Ломоносова, работала в ИНИОН АН СССР (1972–1992) в отделе литературоведения за рубежом. Кандидат филологических наук (1984). С 2013 года живет в Израиле (Иерусалим, Цур-Адасса).

Писатель, литературовед, переводчик более двадцати книг с польского языка — философии, поэзии и прозы (Иоанн Павел II, Р. Ингарден, Ю.Тишнер, А. Валицкий, Т. Обелевич и др.); автор трех книг стихов и трех книг прозы (о своеобразии творчества Иоанна Павла II, о Чингизе Гусейнове, фотографичности Иосифа Бродского), в том числе двух романов. Ей принадлежит более ста статей по проблемам истории и теории литературы, культуры, русской философии (о поляке Мареке Хласко, Фридрихе Горенштейне, Владимире Соловьёве, Марине Цветаевой, Михаиле Пришвине, Иосифе Бродском и др), опубликованных в России, Израиле, Польше, Америке, Турции.

Фёдор Достоевский не был профессиональным философом, но философские проблемы волновали его всю жизнь; он выражал их художественными средствами, и в этом заключалась его оригинальность. Книга Яна Красицкого, автора многих работ по русской религиозной мысли, посвящена именно этому аспекту творчества гениального русского писателя и наполнена подборкой исследований о «бездне идей», выраженных в произведениях Достоевского «Идиот», «Братья Карамазовы» и «Бесы»: отношению к добру, истине и красоте, балансу между здравомыслием и безумием (или специфическим для русской культуры «юродством»), пониманию любви, свободы, женственности и мужественности. Одним из первых в мире Достоевский показал опасность терроризма и его истоки, что особенно актуально сегодня и нашло отражение в представляемой книге.

Автор предлагаемой вниманию читателей книги тщательно анализирует написанное о Достоевском иными исследователями, подтверждая свои аргументы мнением философов, литературоведов, переводчиков, создавая своего рода полифоническую сюиту, в которой соло звучит голос польского учёного. Собирая, порой «по крохам», высказывания исследователей, Красицкий выстраивает картину движения философской мысли, начиная со времён Достоевского и до наших дней. Он показывает, что Достоевский не остался заложником философских и богословских доктрин его эпохи, а ставил собственные вопросы, не только думал о поглощавших его идеях, но жил ими всем своим существом. Благодаря собственному опыту, Достоевский был ярким свидетелем воплощения этих идей, а иногда становился их жертвой.

ЯН КРАСИЦКИЙ (1954 г.р.) — польский учёный-философ, окончил Вроцлавский университет по специальности «польская филология» и докторантуру Варшавского университета по философии. Основными областями его исследований являются философская антропология, философия религии и культуры, главным образом в сфере русской, польской и немецкой мысли последних двух столетий.

Им опубликованы, в частности, следующие книги: «Эсхатология и мессианиззм. Исследование мировоззрения Мариана Здзеховского» (Вроцлав, 1994), «Против небытия. Эссе» (Краков, 2002), «Бог, человек и зло. Исследование философии Владимира Соловьёва» (Вроцлав 2003, русский перевод вышел в свет в Москве, в 2009 году), «После „смерти Бога“. Эсхатологические очерки» (Краков, 2011), «Бердяев и другие (в кругу мысли русского религиозно-философского ренессанса)» (Варшава, 2012), «Разум и Другой. Опыт по русской и европейской мысли» (Санкт-Петербург, 2015). Он автор более ста статей, опубликованных в стране и за рубежом.

ISBN 978-1-960533-20-3

